

Жанр психологического романа в украинской и английской литературе первой половины XIX века (Е. Гребинка, Т. де Квинси)

DENYS CHYK, VASYL KUCHER

*Taras Shevchenko Regional Humanitarian Pedagogical Academy of Kremenets,
Litseynyi Lane 1, Kremenets, UA – 47003 Ternopil Oblast,
denyschyk@ukr.net, kuchervv2016@gmail.com*

1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article

---

Prispevek prinaša primerjavo romana *Doktor E. Grebinke* z romanom *Confessions of an English Opium-Eater* T. de Quinceyja. Avtorja prispevka dokazujeta, da je Grebinikov roman prvi psihološki roman v ukrajinski književnosti. Opazno je, da se v analiziranih besedilih pojavljajo specifične in tipološko skupne značilnosti, kot so: pozornost, ki jo avtorja namenjata oblikovanju odraslega značaja, konflikt med družbo in sentimentalnim introvertiranim osebnostnim tipom, upodobitev iracionalne manifestacije nezavedne sfere protagonistov preko projekcije duše (anime), psihološke spremembe osebnosti zaradi uživanja alkohola ali drog.

In the article, E. Grebinka's novel *The Doctor* is analysed in comparison with the novel by Thomas de Quincey *Confessions of an English Opium-Eater*. The authors prove that the novel by E. Grebinka is the first psychological novel in Ukrainian literature. It is noted that among the specific and typologically common features of the analysed texts are as follows: the authors' attention to the formation of the adult character; a conflict between society and the sentimental introvert personality type; the depiction of the irrational manifestation of the protagonists' unconscious sphere through the anima projection; psychological changes in the personality structure due to alcohol or drug consumption.

Ključne besede: psihološki roman, zvrst, notranji svet, razpad osebnosti, sentimentalni introvertirani osebnostni tip, projekcija duše (anime)

Key words: psychological novel, genre, inner world, personality disintegration, sentimental introvert personality type, anima projection

---

Введение

Исследователи связывают зарождение жанра психологического романа с конкретными произведениями, в которых центр внимания автора смещается на изображение сложных противоречий в переживаниях, эмоциях и чувствах литературных персонажей. Так, главными «архетипическими» произведениями

этого жанра принято считать романы «La Princesse de Clèves» («Принцесса Клевская») (1678) М.-М. де Лафайет и «L'Histoire du chevalier Des Grieux et de Manon Lescaut» («История шевалье де Грие и Манон Леско») (1731) А.-Ф. Прево. Некоторые признаки психологического романа присущи также творчеству сентименталистов, в частности произведениям С. Ричардсона и Ж.-Ж. Руссо, а дальнейшее развитие этого жанра наблюдается в романтиков (Э. де Сенакур), реалистов (Ф. Достоевский), модернистов (М. Пруст). Однако первым «завершенным» образцом психологического романа часто называют именно «Le Rouge et le Noir: Chronique du XIXe siècle» («Красное и Черное: хроника XIX века») Стендаля (1830), ведь публикация этого романа ознаменовала появление нового жанра в европейской большой прозе.

Постановка проблемы

В украинской литературе зарождение психологического романа традиционно связывают с социально-психологическими романами «Люборацкие» А. Свидницкого, «Разве ревут волы, когда ясла полны?» Панаса Мирного и И. Билыка, повестями «Пути-дороги», «Лель и Полель» И. Франко – то есть не ранее второй половины XIX в.¹ В этой статье будет сделана попытка обосновать идею, что психологический роман в украинской литературе первым внедрил украинский писатель Е. Гребинка в первой половине XIX в. Для научной аргументации этого предположения русскоязычный роман «Доктор» (1844) Е. Гребинки сопоставим с психологическим романом «Confessions of an English Opium-Eater» (1821) («Признания английского опиомана») британского литератора Т. де Квинси. Насколько нам известно, до сих пор творчество Т. де Квинси не сравнивали с литературным творчеством Е. Гребинки.

Теоретические предпосылки

В процессе жанровой эволюции психологический роман приобретал новые маркеры, чутко воспринимая новые стремления писателей распознать внутреннюю человеческую природу, в том числе и реакции на вызовы, которые обычному человеку бросает социум. Так, украинский литературовед В. Гриб называет «La Princesse de Clèves» М.-М. де Лафайет первым психологическим романом в мировой литературе из-за наличия противостояния «любовь – общественная мораль». Как основательница нового жанра, М.-М. де Лафайет, по словам ученого, открывает новую для современной ей прозы «ситуацию романа», которая сосредоточена на изображении борьбы в душе женщины

---

¹ На наш взгляд, история психологической беллетристики в украинской литературе второй половины XIX в. связана в первую очередь с творчеством И. Франко (повести «Перехресні стежки» («Пути-дороги») (1990), «Lelum i Polelum» («Лель и Полель») (1887)). Во второй половине XIX в. «чистых» образцов психологической прозы в украинской литературе не наблюдается: как правило, художественный психологизм в реалистических произведениях неотделим от социального анализа (романы Панаса Мирного и И. Билыка «Хіба ревуть воли, як ясла повні?» («Разве ревут волы, когда ясла полны?») (1875), Панаса Мирного «Повія» («Гулящая») (1883–1884)).

между свободой чувства, страстью и семейными обязанностями, общепринятой моралью – эта тема в будущем станет любимой и традиционной для многих писателей (Гриб 1956: 342). Несмотря на смелость эксперимента М.-М. де Лафайет, который заключался в переносе только одного психологического конфликта из драмы в роман, художественный психологизм «*La Princesse de Clèves*» вполне естественен, ведь основан на точном изображении рядового случая.

Л. Гинзбург считает основателем психологического романа швейцарско-французского романтика Б. Констана. В его романе «*Adolphe*» («Адольф») (1816) исследовательница замечает точный психологический анализ и ряд психологических открытий. В частности, писатель не только прослеживает изменения душевных состояний персонажей, но и пытается заглянуть в мир бессознательного, опережая эксперименты модернистов XX в. (Гинзбург 1999: 248–249). Несмотря на категоричность определенных выводов Л. Гинзбург (так, наивысшее достижение психологического романа она находит только в творчестве Льва Толстого (Гинзбург 1999: 243), следует заметить, что ученая предложила вполне определенный реестр жанровых признаков психологического романа. Прежде всего, речь идет о нетривиальности литературного психологизма, его производности от непредсказуемого поведения персонажа, в котором синтезируются как логические действия, так и парадоксальные. Обусловленность поступков переходит от односторонности к многосторонности – и в этом заключается развитие внутренней аналитики романа (Гинзбург 1999: 257). Философские отступления приобретают жанровое значение, автор прибегает к прямым, часто откровенным размышлениям, веря их читателю. Кое-где такие отступления кажутся обременительными и ненужными дидактическими вещами, единственная цель которых – учить и продвигать авторскую идею. Авторская аналитика не оппозиционна его мимезису, а дополняет его (Гинзбург 1999: 281). Последующим наблюдением Л. Гинзбург является аргументированное обоснование необходимости рассматривать образ как динамичную систему, в которой отношения между составляющими элементами формируют характер. Характер выступает единством, сформированным по определенному основополагающему принципу, например, исходя из идей биологического детерминизма, исторической специфики смены поколений или морально-философской задачи (Гинзбург 1999: 245).

В дефинициях психологического романа современные литературоведы в основном акцентируют внимание на том, что в таком произведении мысли, чувства и мотивации персонажей вызывают равный или больший интерес, чем внешнее действие повествования (Kuiper 2012: 38). Некоторые литературоведы отдают предпочтение термину «роман характера», поскольку в психологическом романе сюжет концентрируется на мотивах главного героя (почему он или она делает то или это), и на том, как главный герой проявит себя как личность (Abrams 2009: 227–228). Примечательным является тот факт, что праосновой для психологического романа считается авантюрный роман (в первую очередь, упомянутые выше романы «*La Princesse de Clèves*» М.-М. де Лафайет и «*L'Histoire du chevalier Des Grieux et de Manon Lescaut*»

А.-Ф. Прево) (Тамарченко 2008: 9). С таким выводом нельзя не согласиться, ведь события, нарушающие нормы регламентированной жизни во всех ее проявлениях – от частного до государственного – стимулируют изменения душевных состояний персонажей.

Интересно, что современная психология понимает личность исключительно как динамическую систему. Исходя из этого постулата, современный русский литературовед Е. Жаринов считает, что при анализе образа литературного героя следует выделять две стороны: совокупность устоявшихся поведенческих признаков (художественная характерология) и сменные процессы внутренней психической жизни (психологический анализ). Другую сторону образа литературного персонажа ученый предлагает изучать как сложный процесс специфических эмоционально-интеллектуальных реакций человека на воздействия среды, собственные воспоминания, суждения окружающих, а также на ситуативные впечатления через систему различных ассоциаций (Жаринов 2016: 282). Соответствующие внутренние психические процессы могут быть и упрощенными, отражая какую-то одну психическую черту характера, или же формировать сложные образования, порождая определенные поступки персонажа.

Таким образом, психологический роман можно охарактеризовать как сложный жанр, для которого специфическими атрибутами являются: акцентирование на внутренней психологической среде персонажей, которая, в свою очередь, выражает сложную гамму чувств – следствие конфликта с внешними факторами; синтез логических и спонтанных, не поддающихся рациональному объяснению действий персонажей; психологизация бытовых ситуаций; психологическая многосторонность прозаичности и повседневности как таковых.

Основная часть

Исследователи редко прибегали к определению жанра романа «Доктор» Е. Гребинки, акцентируя внимание, как правило, на тематике и образосфере произведения. В частности, Н. Крутикова прослеживала в главном образе романа (по ее словам – «робкого мечтателя») прежде всего влияние Н. Гоголя (повести «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего») (Крутикова 1957: 138–140). В. Кулешов обозначил произведение Е. Гребинки как повесть о благородном разночинце, видя в тексте контуры натуральной школы (Кулешов 1965: 45). С. Зубков нечетко определял жанровую разновидность «Доктора» как «великий роман», в котором раскрыта тема настоящей доброты и превосходства «маленького человека» над пошлой средой (Зубков 1979: 236). Л. Задорожная, констатируя имеющиеся в литературоведении различные жанровые характеристики произведения, также называет его романом (Задорожна 2000: 127). А. Брайко отмечает сложную жанровую структуру романа, определяя ее как особую форму социального нарратива, в котором развернуто экзистенциальный опыт «маленького человека» с использованием сюжетных приемов романа воспитания (Брайко 2005: 51).

Заслуживает внимания жанровое определение «Доктора» Н. Бернадской – едва ли не единственной попыткой четко выяснить жанровую природу произведения в современном украинском литературоведении. Исследовательница отмечает, что этот роман писателя, в отличие от других его произведений, почему-то остался в стороне внимания литературоведов, и отдельно останавливается на разборе ранних критических отзывов о «Докторе», доказывая неправомерность выводов В. Белинского о том, что произведение украинского писателя имеет все признаки морально-описательного очерка. Роману Е. Гребинки, по утверждению Н. Бернадской, присущ синтез признаков различных жанровых разновидностей: романа воспитания, морально-описательного и психологического романов (Бернадська 2004: 53). Впрочем, исследовательница остановилась только на констатации жанрового синтеза в романе, но не развивает подробно свою аргументацию.

В нашей статье мы проанализируем специфику жанровой природы романа Е. Гребинки в сравнении с романом Т. де Квинси, исходя не только из хронологической близости публикаций произведений, одинаковой стилиевой принадлежности (к романтизму), но и сходства в субъективной трактовке особенностей рецепции травматического опыта и конструирования судеб персонажей, которые попытались заменить неудачи в реальной жизни иллюзорным счастьем и удовольствием через злоупотребление дурманом или алкоголем. Считаем, что авторское внимание к изменениям, которые происходят с человеческим сознанием и индивидуальностью, требуют детального рассмотрения, ведь это позволит выяснить не только художественную оригинальность произведений, но и жанровую типологию исследуемой жанровой разновидности – психологического романа первой половины XIX в.

В романах «Доктор» и «Confessions of an English Opium-Eater» авторы пытаются показать формирование характера взрослого человека, описывая особенности детских лет, а также зависимость от макросоциальных (влияние общества) и микросоциальных (влияние окружающей среды – семьи и друзей) условий. Формирование детского характера главного героя в Е. Гребинки и Т. де Квинси связано с непростыми отношениями с родителями и лицами, их заменяющими – опекунами. Уже в раннем возрасте дети лишены родительского внимания и тепла и, по мнению писателей, это закладывает в характеры персонажей основу для будущих «мнимых побегов» из реальности.

Т. де Квинси, описывая личный длительный опыт опиомана, определенным образом изменяет факты из своих ранних лет. Его литературный герой в семь лет теряет отца и становится предметом заботы четырех опекунов. Меняя школу за школой, мальчик не может приобрести друзей, и, будучи лишенным семейного уюта, находит утешение в штудировании греческого языка. Понятно, что такое настойчивое обучение приносит свои плоды – вскоре прилежный ученик оставляет позади не только сверстников, но и учителей (Quincey 1985: 7). Неутомимое обучение является попыткой найти свой собственный уютный, «закрытый», камерный мир – на замену тому, который могли бы предложить родители (сам Т. де Квинси называет этот период временем поиска умственных удовольствий).

Иван Севрюгин в романе Е. Гребинки воспитывается в постоянном страхе разгневать отца. Постоянные родительские наставления приводит к такому же результату, как и в романе английского писателя, – Иван находит убежище в книгах. Сам отец, очевидно, не понимая пагубности своей чрезмерной и безосновательной строгости в воспитании, становится жестоким истребителем естественной детской веселости и живости:

Чтение была одна пристань, куда мог укрыться молодой Севрюгин от семейных бурь и вечного ворчания своего отца. Книга, какая бы ни была, защищала Ваню, как добрый бастион, от родительских выстрелов, и Ваня полюбил своих благодетелей-защитников, полюбил книги; из них он составил для себя особенный мир; к ним он удалялся из семейного круга, где встречал беспрестанные выговоры, словно в кружок веселых, невзыскательных товарищей, мечтал над ними, плакал, а иногда и смеялся. (Гребінка 1981: 412)

В итоге книги, «защищая» Ивана от немотивированных родительских нападков, формируют его мировоззрение, которое не имеет ничего общего с реальной жизнью. Книжки, которые парень жадно впитывает, не являются изысканными произведениями – это типичные образцы российской массовой литературы: здесь переводные сентиментальные романы немецкого писателя А. Коцебу и французской писательницы С. Ф. Жанлис, чрезвычайно популярные в конце XVIII – первых десятилетиях XIX вв.; не менее популярные готические романы А. Рэдклифф, автобиография известного борца за отмену рабства в Британской империи А. Эквиано (Г. Вессей), богословские произведения и тому подобное. Под влиянием таких произведений, а также при полном пренебрежении родных к его воспитанию формируется меланхолический характер Ивана Севрюгина. Показательно высказанное им в дневнике убеждение, что женщины должны быть выше мужчин в моральном плане – ведь таковы экзальтированные женские героини в романах А. Рэдклифф и А. Лафонтена, над которыми юный Иван сердечно проливает слезы (Гребінка 1981: 443). В конце концов, такой же уютный «книжный замок» Иван обустроит для себя и позже, когда, не сумев интегрироваться в студенческую общественность будущих врачей, полностью отдается учебе. Символическим является и то, что в уже погибшего врача нашли книгу, в которой его друг Иван Павлович узнает подаренный когда-то перевод известной книги римского историка I-го в. до н. э. Корнелия Непота «*Excellentium Imperatorum Vitae*» («Жизнеописания знаменитых полководцев»). Этот труд, хотя и был составляющей лектуры учеников в Российской империи начала XIX в., тематически вступает в диссонанс с бесцветной и бедной на героические поступки жизнью молодого врача, который становится жертвой обстоятельств, которые, в отличие от героев биографий любимого сборника, он не может преодолеть.

Как видим, формирование детских характеров в исследуемых произведениях прямо зависит от равнодушия родителей или опекунов. Севрюгин Е. Гребинки и герой Т. де Квинси пытаются построить собственные выдуманные миры, в которых они являются успешными и первыми, что приводит к замкнутости их характеров. В конструировании соответствующих образов

наблюдаем отказ авторов от схематизма, однотипности, наличие акцента на зависимости становления характера человека от внешних обстоятельств.

Сложный и противоречивый внутренний мир главных персонажей сопоставляемых романов проявляется в различных ситуациях. Как мы проследили выше, сначала им удается «прятаться» в чтении, но с возрастом назревший конфликт требует кардинального разрыва с родным, но враждебным окружением. Форма исповеди, которая в романе Т. де Квинси граничит с авторской необходимостью самоанализа, достигается в произведении Е. Гребинки введением в текст фрагментов дневника молодого Ивана Севрюгина, из которых читатель узнает, что родные воспринимали юношу как тупоумного, ни на что не способного урод. В конце концов, так же воспринимают и героя Т. де Квинси его четверо опекунов, не понимающих его детских и юношеских переживаний.

Для внешнего взросления своих персонажей писатели проводят их через ритуал инициации – из среды дворянских семей внезапно перемещают на социальные низы, где им приходится адаптироваться к бедствованию. Для Т. де Квинси опыт лондонского бродяги был реальным биографическим фактом, и, как автор утверждает во многих своих произведениях, настоящей школой выживания, повлиявшей на его мировосприятие и становление личности. В романе изображен одаренный молодой дворянин, которому надоело обучение и тот убегает из школы в «большой мир», где его ждет множество испытаний. Так же и Севрюгин после смерти отца вынужден самостоятельно зарабатывать на хлеб, работая обычным канцеляристом. Друзья молодых людей выступают как *deus ex machina*, способствуя их поступлению в университеты и помогая избавиться от трудностей.

В исследуемых романах описан определенный психологический тип, основные черты которого находим в типологии личностей швейцарского психиатра К. Г. Юнга: Севрюгин и нарратор в романе английского писателя представляют интровертный чувствующий тип. Для таких людей характерен меланхолический темперамент, и их из-за закрытости и молчаливости, как правило, не понимают окружающие. Для обоих персонажей характерно использование маски ребенка или маски простака, что помогает скрывать истинные мотивы их поступков (Юнг 1998: 473). Постоянное «самопогружение» и заикленность представителей данного интровертного типа на собственных субъективных переживаниях часто ошибочно воспринимаются как бездушность или безразличие.

В романах украинского и английского писателей специфику коммуникации интровертных чувствующих типов можно понять на примере сцен, описывающих балл. Как отмечает юнгианский аналитик Д. Шарп, люди этого типа стараются не выставлять себя напоказ, создавая вокруг себя загадочную атмосферу независимости и самостоятельности. На многолюдных собраниях им некомфортно, потому что блокируется их оценочная функция (Шарп 2008: 104). Именно так чувствует себя на свадьбе сестры Севрюгин: ему противны крики, веселье, шум. Из-за его застенчивости гости ошибочно принимают его за слугу, отец силой и бранью заставляет танцевать кадрили со служанкой. Праздник для Севрюгина становится настоящим адом – он

даже тщетно пытается спрятаться от всех в буфете. Так же чувствует себя в обществе и герой Т. де Квинси.

Как утверждал К. Г. Юнг, мышление интроверта является по своей сути мистическим: ход настоящей жизни в нем вытесняется, а на смену приходят бессознательные факты (Юнг 1998: 465). Как следствие, у интроверта хорошо развита фантазия, где архаика приобретает осмысленные, но, очевидно, мнимые формы, которые вступают в противоречие с реальностью, имея часто непонятный и потому ужасающий характер. Экспансия архаичных психических форм провоцирует возвращение к примитивной психологии, когда активизируются определенные архетипы, кажущиеся магическими и иррациональными в измерениях обычного, привычного и осмысленного. Как мы полагаем, таким иррациональным проявлением сферы бессознательного главных героев в обоих романах есть архетип *анимы*.

Как известно, *анима* является унаследованным коллективным образом женщины в мужском бессознательном. *Анима* – наполовину осознанный психический комплекс, которому присуща автономная функция (Юнг 1994: 256). Как правило, *анима* проектируется сначала на мать – первого носителя этого душевного образа, затем – на других женщин, которые в той или иной степени возбуждают чувства. Образ *анимы*, который наделяет мать в глазах сына «сверхчеловеческим» сиянием, постепенно стирается под действием тривиальной повседневности и тем самым попадает под власть бессознательного, не теряя при этом ничего из своей первичного напряжения и инстинктивной полноты. С тех пор он проецирует себя при первой же возможности, то есть тогда, когда какое-то женское существо производит сильное впечатление, «пробивая» обыденность (Юнг 2013: 101). В исследуемых нами текстах отсутствие матерей в детстве (Т. де Квинси) или их второстепенность и пассивность в воспитании сына (Е. Гребинка) приводят к переносу материнского комплекса во взрослом возрасте на определенных женщин – и реализуются через формирование абсолютного восторга и обожания.

Как замечает С. Зубков, в романе «Доктор» замысел Е. Гребинки воспроизвести сложность внутренней жизни человека определяет раскрытие духовного мира персонажа «изнутри». Исследователь также убедительно утверждает, что молодой врач бессознательно тянется к Юлии и поэтому достаточно было одного-двух встречных шагов, одной не очень удачно разыгранной сцены, чтобы он бездумно бросился в ловушку (Зубков 1962: 183–184). Действительно, Е. Гребинка демонизирует красоту Юлии: сначала она кажется Севрюгину воплощением небесного божества с чистой душой, настоящим бриллиантом, но тяжелые жизненные обстоятельства заставляют девушку тяжело работать и бросают на дно общества.

Такая же преданность женской красоте, наполнена несвойственным ей сакральным смыслом в грезах и мечтах героя, изображена в романе «Confessions of an English Opium-Eater». Сначала рассказчик влюбляется в портрет прелестной (не?)знакомки, который висит над камином в его комнате – он наделяет ее божественными чертами и сверхъестественным спокойствием, сравнивает с Богородицей и готов вечно созерцать ее небесную красоту (Quincey 1985: 9–10). Опыт платонической влюбленности

он переживает с молодой проституткой Энн, с которой знакомится на лондонской улице. Юный бродяга оправдывается перед читателем, что знал немало проституток, но с ними, как и с его подругой, у него были только дружеские отношения. Впрочем, он клянется Энн в верности и обещает на ней жениться – но, потеряв любимую навсегда, молодой дворянин выбирает асоциальное уединение и опиум.

Противостояние с *анимой* является вполне нормальным процессом для мужчины – многие из ее смыслов и проявлений или подавляются, или исключаются из сознательной жизни. К. Г. Юнг отмечает, что подавляются, как правило, те тенденции, которые имеют асоциальный характер, и представляют в совокупности так называемого «статистического преступника». Следует акцентировать, что это не преступные наклонности, а черты, которые нарушают социальные условности, мораль, респектабельность и т. д. (Юнг 1991: 180–181). Неумение найти диалог с собственной *анимой* приводит к нездоровым для личности последствиям. Психолог Т. Титаренко отмечает, что принятие своей *анимы* является проявлением мудрости, профилактикой излишней щепетильности, ригидности, безответственности, недоброжелательности, даже возможной алкоголизации (Титаренко 2003: 118). Итак, проектирование персонажами романов собственной *анимы* на матерей, позже – на знакомых женщин, приводит к формированию и нарастанию конфликтности, сексуальным проблемам и приобретению устойчивого влечения к алкоголю / опиуму.

Юлия и Энн воплощают двойственную природу *анимы*: с одной стороны, девушки являются носителями неестественной красоты, кажутся неземными созданиями с ангельской душой и чистыми помыслами, с другой – они порождение общественного зла, его низменных страстей. Э. Нойманн называет два полюса *анимы* соответственно положительной и отрицательной *анимой*. Интересно, что негативную *аниму* («юная ведьма») он связывает не с физической смертью, а с психо-духовной. Победу негативной *анимы* он видит в дезинтеграции личности, которая связана с употреблением веществ, способствующих опьянению (Нойманн 2014: 183–184).

Таким образом, в обоих текстах наблюдаем победу негативной *анимы*, которая приводит к зависимости персонажей от опьяняющих веществ. Т. де Квинси описывает образ жизни опиомана, который наслаждается уединенной жизнью в горном доме. Не отрицая вредность своей привычки постоянно употреблять опиум, писатель с пристрастием описывает ее преимущества: средство не просто утоляет душевную боль от упущенных возможностей и нерадостных воспоминаний, но и дает возможность познать себя и «откорректировать» действительность. Наркотик провоцирует сновидения и грезы, в которых опиоман то встречается с бывшими друзьями, то переносится в экзотические восточные страны и становится полноправным «обладателем» пространственно-временного континуума:

Мои архитектурные видения сменились видениями озер — серебристых водных пространств. /.../ В моих видениях воды преобразили свой лик: из прозрачных озер, сияющих как зеркало, они превратились в моря и океаны. А тут наступила великая перемена, которая, разворачиваясь медленно, как свиток, долгие месяцы,

сулила непрерывные муки; и действительно — я не был избавлен от них вплоть до разрешения моего случая. Лица людей, часто являвшихся мне в видениях, поначалу не имели надо мной деспотической власти и не терзали меня. Теперь же начало развиваться то, что я назвал бы тиранией человеческого лица. Возможно, в этом повинны некие эпизоды моей лондонской жизни. Как бы то ни было, именно теперь на волнующихся водах океана начинали являться мне лица; вся поверхность его оказывалась вымощенной бесчисленными лицами, обращенными к небесам; лица молящие, гневные, полные отчаяния вздымались тысячами, мириадами, поколениями, веками — волнение мое было бесконечно, а разум метался и вздымался вместе с океаном. /.../ На тысячу лет был я погребен в каменных саркофагах, вместе с мумиями и сфинксами, в узких коридорах, в сердце вековечных пирамид. Крокодилы дарили мне смертельные поцелуи; я лежал в мерзкой слизи, среди тростника и нильской тины. (Де Квинси 2000: 109–112)

Т. де Квинси охотно делится своим опытом первого употребления опиума — в то время широко распространенного недорогого противоболевого препарата, который приписывали от многих недугов пациентам уже с детского возраста. Несмотря на ошибочное ассоциирование употребление этого наркотика только с курением, его широко использовали в викторианской Англии и в жидком виде спиртовой настойки — лауданума. Поэтому, дословно называя себя в названии романа «an English Opium-Eater» (англ. — «поедатель опиума»), Т. де Квинси, по мнению некоторых исследователей, хотел сопоставить себя в первую очередь не с современниками, а с экзотическим турецким братством, которое, по преданию, якобы потребляло опиум в сыром виде (Берге 2012: 142). Впервые случайно купленный в аптеке для снятия сильной боли, опиум до конца жизни станет спутником писателя и причиной его сложного становления как писателя.

Свое произведение «Confessions of an English Opium-Eater» Т. де Квинси рассматривал не только как предостережение для тех современников, которые не замечали угроз систематического употребления опиума, но и как некую декларацию наркозависимых художников, философов и религиозных деятелей, которые, по словам писателя, составляли целый класс британской элиты (как, например, известный представитель «Озерной школы» С. Т. Кольридж) (Фохсгофт 2007: 29). Немецкий историк культуры В. Шивельбуш отмечает определенное восхищение западноевропейских литературно-художественных кругов XIX века скрытыми возможностями творческого воображения, которые позволял открыть опиум, и даже пишет о настоящем культе наркотических веществ. Творческий человек сознательно становился асоциальной личностью, чтобы в своих затворнических грезах «бежать» в мифические восточные страны, которые выгодно отличались от скучной и постылой жизни буржуа, и давали огромный потенциал для самовыражения (Шивельбуш 2007: 217–219). Т. де Квинси первым из писателей указывает на опасности, которые таит употребление опиума (привыкания и страдания во время попыток отказаться от приемов наркотика), и при этом в беллетристической форме откровенно делится своим травматическим опытом.

Описывая наркотические грезы и «божественные откровения», которые появлялись после каждого приема опиума, Т. де Квинси вскользь касается и темы упущенных возможностей наркозависимого человека, который, будучи

высокообразованным и талантливым, не способен реализовать себя в жизни. Эту же тему поднимает Е. Гребинка в своем романе «Доктор». Иван Севрюгин после интриг своей жены и ее семьи находит утешение в алкоголе, притупляя горечь осознания себя выброшенной на жизненную обочину старой и ненужной марионетки.

В романах украинского и английского писателей главные персонажи являются жертвами, но не столько обстоятельств и собственных амбиций, как общества, в котором они не смогли найти свое место. Их мировосприятие (свойственное, как было отмечено выше, для определенного интровертного типа личности), очевидно, противоречит общепринятым нормам и принципам, и общество приносит их в жертву – рассказчику в английском романе удается избежать дальнейших конфликтов путем добровольного изгнания, а герою украинского произведения суждено расплатиться собственной жизнью – он убегает из Петербурга, будучи тяжелобольным, и погибает на родине. В обоих произведениях герои спасаются бегством из столицы, которая выступает в текстах воплощением сил зла. Топос столицы дарит обоим мужчинам не только счастливые моменты влюбленности (хотя эта любовь не стала взаимной), но и разрушает их судьбы. Рассказчик романа Т. де Квинси и герой романа Е. Гребинки Иван Севрюгин, несмотря на врожденные таланты и знания, так и не смогут реализоваться в социуме, который не воспринимает их такими, какие они есть – добродетельными, искренними и нефальшивыми.

Протагонисту «Confessions of an English Opium-Eater» удается спастись бегством в горы, где он ведет затворническую жизнь со служанкой (указывая на это обстоятельство, он с сарказмом замечает, что читатель как типичный представитель морализаторского общества, может предвзято трактовать обязанности его служанки достаточно «широко»), размеренный ритм которого нарушают лишь грезы и сны под действием опиума. Побег осуществляет и Иван Севрюгин: он избавляется от насквозь фальшивых новых членов семьи и приятелей, и находит настоящего друга Щелкунова – постоянного посетителя петербургских кабаков. После того, как его обманом ограбили, о Севрюгине распространяются ложные слухи и сплетни – и от него отворачиваются все. Доктор также старается избегать бывших пациентов и друзей, потому что понимает, что ему нет места среди них, ведь он потерял все атрибуты успеха – «любящую» жену, большой дом, званые обеды, немалую медицинскую практику.

Е. Гребинка, как и Т. де Квинси, описывает постепенный распад личности своего героя, прослеживает развитие его заболевания – алкоголизма. В романе «Доктор» наблюдаем довольно точный психологический анализ больных алкоголизмом, который в основном совпадает с наблюдениями современных патопсихологов (Братусь 1974: 67–78): Севрюгин теряет силу воли, у него снижается интеллект, в иерархии его поступков доминирует мотив потребности в алкоголе (показателен эпизод, когда он, окончательно опустившейся, обманывает знакомого молодого офицера, чтобы раздобыть деньги на водку), он также придумывает самооправдательную систему для своей пагубной привычки, объясняя заболевание несовершенством и ничтожеством. На последних стадиях заболевания Севрюгин видит ужасающие

галлюцинации (типичный ход психического расстройства из-за постоянного злоупотребления алкоголем, известный как *delirium tremens*), подобные ночным кошмарам рассказчика романа Т. де Квинси.

Выводы

«Доктор» Е. Гребинки и «Confessions of an English Opium-Eater» Т. де Квинси как психологические романы стали самобытными явлениями украинской (также и русской) и английской литератур первой половины XIX в. соответственно. Несмотря на несопоставимость дальнейшей рецепции произведений обоих писателей, следует отметить общее для авторов особое внимание к внутреннему миру человека, личность которого постепенно разрушается под воздействием искусственных дурманов.

Индивидуальное конструирование судеб персонажей, которые попытались заменить неудачи в реальной жизни злоупотреблением дурманом или алкоголем, в исследуемых произведениях имеет ряд типологических соответствий: писатели стремятся через ритуал инициации продемонстрировать формирование характера взрослого человека. Е. Гребинка и Т. де Квинси изображают постепенный распад личности своих героев. Для анализируемых произведений характерным является внимание писателей к детерминизму: особенности детства, влияние общества, семьи и друзей – все эти факторы влияют на становление определенного психологического типа характера персонажей, который, в соответствии с типологией личностей К. Г. Юнга, относим к интровертному чувствующему типу. Особенно важным для формирования психологии персонажей становится влияние материнского комплекса: отсутствие матери в детстве (Т. де Квинси), второстепенность и бездействие матери в воспитании сына (Е. Гребинка) приводят к переносу материнского комплекса во взрослом возрасте на определенных женщин (проекция анимы).

В то же время следует отметить и главное отличие: автобиографическая основа романа «Confessions of an English Opium-Eater» Т. де Квинси сделала автора скандально популярным – и в дальнейшем он ассоциировался только с этим произведением. Если Е. Гребенка остается в «рамках» романтизма и реализма (образно говоря, пребывает в тени земляка Н. Гоголя), то английский литератор создает текст, который, будучи произведением романтизма, является для своего времени произведением контркультуры. В отличие от украинского писателя, Т. Де Квинси особое внимание уделяет описаниям бредовых и галлюцинационных видений (считается, что именно психоделическая поэтика романа Т. де Квинси оказала влияние на европейскую литературу – в частности, на произведения Н. Гоголя, Ш. Бодлера и Ф. Достоевского).

ЛИТЕРАТУРА

- Йос тен БЕРГЕ, 2012: Прекрасная эпоха опиума. *Smoke: всемирная история курения*. Под ред. Сандера Л. Джилмена и Чжоу Сюнь. Пер. с англ. А. Валиахметовой, А. Летучего, И. Машковой. Москва: Новое литературное обозрение. 141–154.
- Ніна БЕРНАДСЬКА, 2004: *Український роман: теоретичні проблеми і жанрова еволюція*. Київ: Академвидав.
- Олександр БРАЙКО, 2005: Роман Євгена Гребінки «Доктор» як соціальний наратив: текст та інтертекст. *Слово і час* 3, 51–64.
- Борис БРАТУСЬ, 1974: *Психологический анализ измененной личности при алкоголизме*. Москва: Издательство Московского университета.
- Лидия ГИНЗБУРГ, 1999: *О психологической прозе*. Москва: Intrada.
- Євген ГРЕБІНКА, 1981: Доктор. Повесть. Євген Гребінка. *Твори у 3 томах*. Ред. колегія: С. Д. Зубков (голова), Б. А. Деркач, В. Л. Микитась. Київ: Наукова думка, 1980–1981. Т. 2: *Прозові твори 1841–1845*. 406–560.
- Владимир ГРИБ, 1956: *Избранные работы: статьи и лекции по зарубежной литературе*. Сост. Т. Лурье-Гриб. Вступ. ст. Г. Фридендера. Москва: Художественная литература.
- Евгений ЖАРИНОВ, 2016: «Хаджи-Мурат» как глубокое проникновение во внутренний мир человека, сформированного культурой Востока. Евгений Жаринов. *Лекции о литературе. Диалог эпох*. Москва: АСТ. 257–296.
- Людмила ЗАДОРОЖНА, 2000: *Євген Гребінка: Літературна постать*. Київ: Твім інтер.
- Сергій ЗУБКОВ, 1962: *Євген Павлович Гребінка*. Київ: Державне видавництво художньої літератури.
- , 1979: *Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей*. Київ: Наукова думка.
- Томас Де КВИНСИ, 2000: *Исповедь англичанина, любителя опиума*. Перевод с англ. Москва: Ладомир, Наука.
- Ніна КРУТІКОВА, 1957: *Гоголь та українська література (30–80 рр. XIX сторіччя)*. Київ: Державне видавництво художньої літератури.
- Василий КУЛЕШОВ, 1965: *Натуральная школа в русской литературе XIX века*. Москва: Просвещение.
- Эрих НОЙМАНН, 2014: *Великая Мать*. Москва: Добросвет, КДУ.
- Натан ТАМАРЧЕНКО (гл. науч. ред.), 2008: *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada.
- Тетяна ТИТАРЕНКО, 2003: *Життєвий світ особистості: у межах і за межами буденності*. Київ: Либідь.
- Дарэл ШАРП, 2008: *Типы личности: юнговская типологическая модель*. Пер. с англ. В. Зеленского. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Вольфганг ШИВЕЛЬБУШ, 2007: *Смаки раю: Соціальна історія прянощів, збудників та дурманів*. Пер. з нім. Київ: Критика.
- Карл Г. ЮНГ, 2013: Про архетип із особливою увагою щодо поняття анімі. Карл Г. Юнг. *Архетипи і колективне несвідоме*. Перекл. з нім. К. Котюк. Наук. ред. укр. вид. О. Фешовець. Львів: Астролябія. 80–105.

—, 1998: *Психологические типы*. Пер. с нем. С. Лорие, переработанный и дополненный В. Зеленским. Под общей редакцией В. Зеленского. Москва: Университетская книга, АСТ.

—, 1994: *Психология бессознательного*. Пер. с нем. Москва: Канон.

—, 1991: Психология и религия. Карл Г. Юнг. *Архетип и символ*. Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. Москва: Ренессанс. 129–202.

M. H. ABRAMS, Geoffrey G. HARPAM, 2015: *A Glossary of Literary Terms*. Stamford, CT: Cengage Learning.

Louise FOXCROFT, 2007: *The Making of Addiction: The «Use and Abuse» of Opium in Nineteenth-Century Britain*. Aldershot, England: Ashgate.

Kathleen KUIPER, 2012: *Prose: Literary Terms and Concepts*. New York: Britannica Educational Pub.

Thomas de QUINCEY, 1985: *Confessions of an English Opium-Eater and Other Writings*. Ed. with an introduction by G. Lindop. Oxford–New York: Oxford University Press.

PSIHOLOŠKI ROMAN V UKRAJINSKI IN ANGLEŠKI KNJIŽEVNOSTI 1. POLOVICE 19. STOLETJA (E. GREBINKA, T. DE QUINCEY)

Prispevek prinaša primerjavo romana *Doktor E. Grebinke* z romanom *Confessions of an English Opium-Eater* T. de Quinceyja. Avtorja prispevka analizirata posebnosti žanrske narave romana E. Grebinke v primerjavi z romanom Thomasa de Quinceyja, ki ne izhajajo samo iz časovne bližine objave del in istega tipa romantike, temveč tudi iz podobnosti v individualni interpretaciji značilnosti sprejemanja travmatične izkušnje in usode literarnih oseb, ki sta skušali neuspeh v resničnem življenju nadomestiti z iluzorno srečo in uživanjem drog oz. alkohola. Pozornost, ki jo avtorja namenjata spremembam, ki se dogajajo v človekovi zavesti in individualnosti, zahteva podrobno preučitev, saj ne omogoča le odkrivanja umetniške izvirnosti del, temveč tudi tipologije preučevane zvrsti.

Avtorja dokazujeta, da je roman E. Grebinke prvi psihološki roman v ukrajinski književnosti. *Doktor E. Grebinke* in *Confessions of an English Opium-Eater* Thomasa de Quinceyja sta kot psihološka romana postala izvorni pojav ukrajinske (in tudi ruske) ter angleške književnosti prve polovice devetnajstega stoletja. Glavna protagonistka obeh pisateljev – ukrajinskega in angleškega – sta žrtvi, ne toliko okoliščin in lastnih prizadevanj kot družbe, v kateri nista mogla najti svojega mesta. Njuna svetovna nazora nasprotujeta splošno sprejetim normam, stereotipom in načelom, zato se družbi odrečeta. Pripovedovalcu v angleškem romanu se uspe izogniti nadaljnjim konfliktom s pomočjo prostovoljnega pregnanstva, medtem ko si junak ukrajinskega romana vzame življenje. Opazno je, da se v analiziranih besedilih pojavljajo posebne in tipološko pogoste značilnosti, kot npr. težnja avtorjev po oblikovanju odraslega značaja, konflikt med družbo in sentimentalnim introvertiranim osebnostnim tipom, upodobitev iracionalne manifestacije nezavedne sfere protagonistov preko projekcije duše (*anime*), psihološke spremembe osebnosti zaradi uživanja alkohola ali drog.